

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/HALQFM>
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ЖУРНАЛ «ЗАЛП» КАК ИНСТРУМЕНТ ПОДДЕРЖАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ОБОРОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

© 2022 г. А.В. Сысоева

*Институт русской литературы (Пушкинский
Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия*

Дата поступления статьи: 20 декабря 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 01 февраля 2022 г.

Дата публикации: 25 сентября 2022 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-258-279>

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00549 А «Канон советской оборонной литературы: состав, определяющие черты, локальные вариации (Ленинград и Москва)»

Аннотация: Деятельность журнала «Залп» и курировавших его организаций, собиравших писателей вокруг военной тематики, была тесно взаимосвязана. Издание являлось базой для критиков оборонной литературы; наделяло своих авторов символическим капиталом, приобщая их к сообществу оборонных писателей, что было особенно значимо для начинающих, на работу с которыми журнал ориентировался в первую очередь; предоставляло возможность публикации профессиональным писателям. Появление на страницах журнала дискуссий, в том числе с участием автора-попутчика, а также идеологически спорных рассказов характеризуют оборонную литературу начала 1930-х гг. как не окончательно регламентированную. В то же время существовало представление о правильном оборонном тексте, и журнал использовался как платформа для экспериментов по его воплощению. В статье рассмотрены случаи публикации произведений, позже признанных ошибочными, и разные варианты исправления авторами отмеченных критикой недостатков. Художественная часть издания являла собой подборку текстов оборонной литературы, на которую могли ориентироваться писатели.

Ключевые слова: оборонная литература, журнал «Залп», литературный процесс 1930-х гг., канонизация, литературная учеба, литературная критика, начинающие писатели.

Информация об авторе: Анастасия Владимировна Сысоева — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-5908>

E-mail: sysoevaav@gmail.com

Для цитирования: Сысоева А.В. Журнал «Залп» как инструмент поддержания и формирования оборонной литературы // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 3. С. 258–279. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-258-279>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 3, 2022

“ZALP” MAGAZINE AS A TOOL TO SUPPORT AND FORM DEFENSE LITERATURE

© 2022. Anastasia V. Sysoeva

*Institute of Russian Literature (The Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia*

Received: December 20, 2021

Approved after reviewing: February 01, 2022

Date of publication: September 25, 2022

Acknowledgments: The study was financially supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-012-00549 A “The Canon of Soviet Defense Literature: Content, Key Characteristics, Local Varieties (Leningrad and Moscow).”

Abstract: The Soviet journal “Zalp” and its supervising organizations, which draw the writers to the military topics, were closely engaged in their activities. Defense literary criticism had the journal as its basis. The journal gave its authors a symbolic capital – introduced them to the community of defense writers, which was especially significant for novices. The work with the latter was a main focus of the journal editorial policy. It also provided an opportunity to publish for professional writers. Discussions, including the one with the participation of a *poputchik*, as well as ideologically controversial short stories demonstrate that the defense literature of the beginning of 1930s was not entirely restricted. At the same time, there was an idea of the “right” defense text and the journal was a platform for searching for it. This article deals with the cases when the text was recognized as erroneous and the variety of authors’ correction in response to criticism. The fictional texts in the journal were a selection of defense literature’ principles which writers could follow in their work.

Keywords: defense fiction, “Zalp” magazine, the literary process of the 1930s, canonisation, literary training, Soviet literary criticism, novice writers.

Information about the author: Anastasia V. Sysoeva, PhD in Philology, Researcher, Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-5908>

E-mail: sysoevaav@gmail.com

For citation: Sysoeva, A.V. “Zalp’ Magazine as a Tool to Support and Form Defense Literature.” *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3, 2022, pp. 258–279. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-258-279>

Журнал «Залп», издававшийся в Ленинграде в 1931–1934 гг., был организован Ленинградско-Балтийским отделением Литературного объединения Красной армии и флота (ЛБО ЛОКАФ)¹. Цель объединения была обозначена в уставе как «пропаганда в художественной форме задач обороны страны»². Для достижения цели организация использовала разные методы воздействия на писателей, которые выстраивались в регулярно повторявшийся цикл: привлечение к созданию произведений нужной тематики, обучение, издание текстов, критический анализ результатов с учетом читательской рецепции. Журнал играл ключевую роль в реализации этого цикла, превратившись в платформу для применения к литературному процессу механизмов регламентации и идеологизации, которые можно было распространить на любую тематику. Его деятельность отражала две ключевых тенденции культурной политики СССР первой половины 1930-х гг. — усиление государственного контроля в творческой сфере и милитаризацию культуры.

В 1930 г. газетой Ленинградского военного округа «Красная Звезда» и одноименной литературной группой выпускались литературно-художественные сборники. Первые три вышли в свет как приложение к газе-

¹ В работе В.А. Шошина [8] приведен обзор номеров журнала «Залп» за 1931–1934 гг. (название работы В.А. Шошина требует уточнения: объединение существовало в 1930–1932 гг.). О публикациях в журнале сотрудников Института новой русской литературы (с 1932 г. — Института русской литературы) см. сообщение А.В. Сысоевой [7]. Деятельность ЛОКАФ рассматривалась в ряде исследований: [3; 4; 5; 6] и др. Однако роль журнала «Залп» в работе с оборонной литературой еще не изучалась подробно.

² Временный устав Литературного объединения Красной армии и флота // ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 135. Л. 1.

те «Красная Звезда» (газета в этот период издавала несколько приложений, в том числе «Литературную страницу», которая, видимо, не справлялась с большим объемом материала). Во втором сборнике «Первый Залп. Вторая очередь», опубликованном в марте, появился призыв организовать Литературное объединение красноармейских писателей Ленинградского военного округа. На следующий день после создания ЛБО ЛОКАФ, 16 августа 1930 г., во время заседания Секретариата было принято решение ходатайствовать об оформлении сборника «Залп» как печатного органа отделения³. В сентябрьском четвертом сборнике «Залп. Четвертая очередь» вместо литературной группы «Красная Звезда» в качестве издателя было указано ЛБО ЛОКАФ, а к работам красноармейских авторов присоединились тексты краснофлотских писателей.

Уже 19 августа 1930 г. на Президиуме ЛБО ЛОКАФ был утвержден состав редколлегии журнала «Залп». 19 октября прошло первое заседание редколлегии⁴. Журнал стал преемником сборников. Изменился издатель (был заключен договор с Государственным издательством), однако связь с газетой «Красная звезда» сохранялась, и некоторые отвергнутые журналом произведения передавались в газету.

Членами редколлегии в разные годы были В.В. Вишневский (первые три номера), В. Грудинин, А.М. Дмитриев (на протяжении всей деятельности журнала), И.М. Зельцер, Ф.С. Князев, Б.А. Лавренев, В. Лапинский (наст. имя и фамилия В.Я. Кевенд), Д.А. Либерман, М.В. Лузгин, Р.Д. Мессер, М. Медведев, М.М. Поляк, А.А. Прокофьев, Н.М. Сиденков, Н.Г. Свириин (на протяжении всей деятельности журнала), Л.С. Соболев, Н.С. Тихонов, А.А. Фадеев (первые три номера), П.И. Чагин (наст. фамилия Болдовкин). Все члены редколлегии были локафовцами, большая часть одновременно состояла в ЛАПП. Руководство ЛБО ЛОКАФ входило в группу «Литфронт». Она была распущена до выхода первого номера журнала, однако отголоски старых споров проявлялись в публикациях: издание поддерживало бывших литфронтовцев.

3 Секретариат. Протоколы и стенограмма заседаний // РО ИРЛИ. Ф. 498. Фонд находится в научно-технической обработке.

4 Протоколы совещания редколлегии (6), собраний критиков журнала (1), конференции читателей (1) // РО ИРЛИ. Ф. 499. Оп. 1. № 162. Л. 1–2.

С конца 1932 г. журнал курировала преемственная по отношению к ЛБО ЛОКАФ Оборонная комиссия Ленинградского оргкомитета Союза советских писателей, после организации Союза ставшая Оборонной комиссией Ленинградского отделения.

Перспективнее всего, который можно датировать осенью-зимой 1930 г., дает представление о программе журнала. Основными его задачами были заявлены: «Мобилизация внимания всей советской общественности, советских писателей и работников всех областей искусства вокруг вопросов обороны Советского Союза. Журнал займется систематической разработкой форм и методов службы искусства делу обороны» [16, с. 7], они же указывались на обложке издания. Целевая аудитория изначально тоже виделась широкой, журнал стремился охватить своим влиянием массового советского читателя. Все же основными читателями оставались красноармейцы и краснофлотцы, постепенно они оказались в центре внимания, этому способствовало включение журнала в конце 1931 г. в рекомендательный список политического управления для Красной армии и преобразование издания в сентябре 1933 г. в журнал массового литературного движения в Красной армии и флоте.

Формально издание вышло из ведения литературных организаций, что, по-видимому, явилось следствием разговоров о дублировании им московского журнала «ЛОКАФ» (с 1933 г. — «Знамя»)⁵. Фактически «Залп» продолжала курировать Оборонная комиссия.

Журнал «ЛОКАФ» был изданием, наиболее близким «Залпу» по тематике. Он выпускался Центральным советом и Московским отделением ЛОКАФ. Журналы курировались одной организацией. После перевода Вишневецкого в Москву он перешел из редколлегии ленинградского издания в московское. Некоторые писатели, например Дмитриев, В. Кнехт, Лавренев, Соболев, Сиденков, публиковались в обоих журналах. Ленинградские критики (в первую очередь Свирин, а также Е.В. Златова, Мессер) помещали свои статьи и в московском журнале. Однако существовали и отличия. «Залп» был в большей степени ориентирован на начинающих писателей: в журнале публиковались их работы и учебные материалы. Московское издание опиралось на опытных авторов и статьи для литератур-

5 См., например: Стенограмма <плenums ЛОКАФ> с выступлениями В.П. Ганибесова, А.М. Дмитриева, Н.Г. Свирина и др. // РО ИРЛИ. Ф. 715. Оп. 1. № 144. Л. 17.

ной учебы не готовило. Большой объем издания и обращение к творчеству писателей-прозаиков (например, А. Веселого, А.И. Тарасова-Родионова) вылились в то, что «ЛОКАФ» публиковал повести с продолжениями в нескольких номерах. «Залп» сфокусировался на произведениях малых форм — рассказах, очерках, стихотворениях. Разный состав авторов сказался также и на тематике произведений (например, в московском журнале больше внимания уделялось теме Гражданской войны, в ленинградском — современным армии и флоту).

Последовательный тематический отбор материала выделял журнал среди других советских периодических изданий — органов литературных организаций. И ЛОКАФ, и Оборонная комиссия привлекали советских авторов к разработке военной тематики, готовили писателей и читателей к новой войне. Деятельность журнала играла важную роль в этой работе. Критики и руководители издания термином «оборонная литература» обозначали художественные военно-пропагандистские тексты современных советских писателей. Не вся литература военной тематики считалась оборонной. Подход к текстам был утилитарным, они должны были решать задачи, полезные для государства: воспитывать красноармейцев и краснофлотцев (приучать к личной гигиене, призывать учиться грамоте и военному делу и др.), создавать положительный образ современных армии и флота, агитировать за коллективизацию (эта цель оказывалась значимой, потому что большинство военнослужащих было крестьянами, а достигалась обычно следующим образом: главный герой-красноармеец становился примером для своей отсталой семьи и убеждал ее вступить в колхоз), транслировать миф о Гражданской войне, создавать образ врага и др. Так, произведениями вредными, т. е. не оборонными, признавались «Дни Турбиных» М.А. Булгакова, «Конармия» И.Э. Бабеля, «На Западе без перемен» Э.М. Ремарка. Принципиальную роль играла оценка событий и противников, которая должна была соответствовать позиции партии. Политика Советского Союза трактовалась как вынужденное противостояние враждебному миру. В правильном оборонном тексте должны были сочетаться идеологическая выверенность, военная грамотность и художественная значимость; судя по критическим откликам, идеал оставался недостижимым.

Работа журнала и литературной организации были тесно связаны и курировались по партийной и военной линиям (сектором печати Ленин-

градского горкома ВКП(б) и Отделом культуры и пропаганды ленинизма Политического управления РККА). Помещение и отопление редакции обеспечивал штаб Ленинградского военного округа, часть трат журнала (телефон, почтовые расходы, работа машинистки) брал на себя ЛБО ЛОКАФ⁶. Ключевые для редакции фигуры — первый ответственный редактор журнала Н.Г. Свирин и сменивший его в 1932 г. А.М. Дмитриев находились в резерве РККА, так что их деятельность в журнале, согласно закону 1930 г. об обязательной военной службе, считалась работой военного характера на гражданском предприятии и приравнялась к прохождению действительной военной службы.

Редкие информационные сообщения в «Залпе» связаны с работой литературного объединения и руководящих организаций (резюмиции пленума ЛАПП по докладу ЛБО ЛОКАФ, Политического управления Ленинградского военного округа по докладу ЛБО ЛОКАФ, информация об итогах конференции ЛБО ЛОКАФ и др.).

В журнале отражалась деятельность основных секторов организации. Редакционно-издательский сектор занимался подготовкой журнала. В «Залпе» могли публиковать результаты своей работы все локафовцы.

Дискуссионные статьи, подготовленные критическим сектором, начали печататься уже с первых номеров первого года издания. Например, во втором номере была помещена статья С.П. Варшавского с отрицательной оценкой книги С.А. Колбасьева «Поворот все вдруг» [11]. В следующем, третьем номере автор ответил на критику статьей «Перелет» с призывом «Тов. Варшавский, давайте сбавим прицел на десяток-другой кабельтов и поговорим вплотную» [18, с. 54]. Итог дискуссии подвел Свирин в четвертом номере, отмечая как ошибки Колбасьева, так и чрезмерность обвинений Варшавского («Можно ли, однако, говорить, что книга его настолько вредна, что ее завтра же нужно топить в Финском заливе?» [23, с. 39]). Колбасьев был попутчиком, а руководители организации стремились включить попутчиков в сферу своего влияния, более того, Колбасьев упоминался в проспекте издания [16, с. 10], а в 1933 и 1934 гг. в журнале были опубликованы два его рассказа. Свирин, не отрицая важности работы с начинающими авторами, отмечал, что оборонные произведения в первую очередь можно

6 Об этом шла речь в письме Дмитриева и Л.С. Соболева в сектор печати Ленинградского горкома ВКП(б) (РО ИРЛИ. Ф. 498).

ждать от писателей профессиональных⁷. Часть из них была представлена попутчиками. Большинство профессиональных авторов журнала, помимо ЛОКАФ, входили в ЛАПП, ВССП или Всероскомдрам.

В каждом номере появлялись статьи с разбором произведений современных авторов. В них описывались недостатки, в первую очередь идеологические, писателей призывали исправлять ошибки и учитывать критику при создании новых произведений. Выходили обзоры с оценкой оборонной литературы в целом и призывами уделить больше внимания тому или иному аспекту (например, современной армии и флоту, Гражданской войне). Критики рассматривали оборонную тематику в русской и зарубежной литературе, обращаясь в том числе к произведениям XIX в. Выпускались работы, посвященные не только литературе, но и изобразительному искусству, кино, театру. Все они были сконцентрированы вокруг оборонной тематики. Специфика статей вряд ли позволяла их авторам регулярно помещать такие тексты в других журналах, называемых внутри объединения гражданскими.

Свирин на совещании 1933 г. перечислил следующие последствия закрытия журнала «Залп»: во-первых, произойдет сокращение листажа оборонной критики вдвое (останутся только 4 листа в московском журнале «Знамя»), во-вторых, ленинградских критиков, загруженных в других местах, сложно будет направить на работу над оборонной тематикой из Москвы («только благодаря тесной связи нашей с ними удастся их мобилизовать на этот участок»⁸), в-третьих, потенциальные сложности с публикацией он видел в предвзятом, с его точки зрения, отношении журнала «Знамя» к критикам из Ленинграда. Таким образом, Свирин считал, что закрытие журнала «Залп» приведет к тому, что «мы разгоним ленинградские критические кадры, которые могут существовать только на какой-то платформе, на какой-то базе»⁹.

Учебно-консультационный сектор ЛБО также развернул свою работу на базе журнала. В «Залпе» с каждым годом все чаще публиковались обучающие материалы. В критических статьях анализировалось творчество начинающих, давались обзоры работы литературных кружков. В журнале помещались

7 Стенограмма <плenums ЛОКАФ> с выступлениями В.П. Ганибесова, А.М. Дмитриева, Н.Г. Свирина и др. // РО ИРЛИ. Ф. 715. Оп. 1. № 144. Л. 16.

8 Там же. Л. 20.

9 Там же. Л. 21.

статьи о литературном мастерстве (о сюжете, о соотношении правды и вымысла в художественном тексте и пр.). Работала литературная консультация (устная и письменная), некоторые ответы авторам, разборы присланных произведений публиковались, тоже играя роль учебных материалов.

Особенностью ленинградского издания также являлось то, что он брал произведения неопытных авторов. Журнал был следующей ступенью после стенгазет и литературных страниц военных газет. Он предоставлял начинающим авторам возможность публикации, которая была важным шагом в начале пути профессионального творчества. «Залп», несомненно, успешно выполнял пропагандистскую задачу, привлекая новых авторов к оборонной тематике. Так, Свириин, характеризуя деятельность журнала, отметил: «У нас во время одного только 32 г. впервые начали печататься 39 молодых начинающих писателей»¹⁰. Журнальная публикация позволяла заявить о себе как о писателе. Многие члены ЛОКАФ как подтверждение принадлежности к творческой среде указывали только журнальные публикации, в некоторых случаях список ограничивался одним рассказом. Таким образом, журнал наделял своих авторов символическим капиталом, приобщая их к сообществу оборонных писателей. В отсутствие такого издания путь в литературу начинающих авторов из военной среды был бы значительно затруднен.

ЛБО ЛОКАФ работало и с профессиональными авторами через сектор военизации писателей. Этот сектор тоже использовал ресурсы журнала. Так, по результатам курсов военизации писателей лучшие творческие работы планировалось издать отдельным сборником. План не был реализован: текстов к печати было отобрано мало. Лучшие рассказы (Ганибесова и А.П. Омельченко) и стихотворение Г.С. Фиша опубликовали в «Залпе» [14; 22; 25].

Во время заседания 22 марта 1934 г. член редколлегии журнала Виктор Лапинский в качестве недостатка работы отметил, что «проза пока идет самотеком»¹¹. Редакция предпочла бы заключать договоры с профессиональными писателями, как журнал «Знамя», поскольку не была удовлетворена художественным мастерством писателей начинающих, однако была ограничена в средствах. Так, Соболев в письме Дмитриеву сообщил,

¹⁰ Там же. Л. 17.

¹¹ Протокол заседания редколлегии журнала «Залп» от 22 марта 1934 г. // РО ИРЛИ. Ф. 499. Оп. 1. № 300. Л. 4.

что в журнале «Ленинград» (1931, № 6) средняя цена за лист прозы 200 руб. 80 коп., в то время как в «Залпе» (1931, № 7) — 144 руб.¹² В письме от 15 сентября 1932 г. в сектор печати Ленинградского горкома ВКП(б) Дмитриев и Соболев отмечали, что редакция получает на оплату труда автора и накладные расходы 230 руб. за лист, в то время как «Знамя» — 500 руб., в итоге «работающие в “Залпе” писатели знают, что редакция не может платить им нормально, но, будучи энтузиастами оборонной литературы, они, однако, всегда в первую очередь стараются снабдить “Залп” материалом, заведомо зная, что получают гроши»¹³. Дмитриев в конспекте доклада о работе журнала за полтора года основной причиной малого числа публикаций профессиональных писателей назвал экономическую («мало платим»)¹⁴. Почти все известные писатели, публиковавшиеся в журнале, входили в его редколлегию. Членство в редколлегии не всегда совпадало по времени с публикацией, все же появление их произведений можно объяснить дружескими связями с изданием. Получение гонорара не всегда было принципиальным для авторов: они могли передавать его на нужды обороны, об этих редких случаях сообщалось в журнале (например [14, с. 24]). Обычно профессиональные писатели, например В.В. Вишневский, Б.А. Лавренев, Соболев давали в журнал отрывки из своих крупных прозаических произведений. Тихонов помещал в журнале рассказы, часть которых тоже вышла отдельно, а также опубликовал стихотворный текст: он участвовал в конкурсе на лучшую красноармейскую и краснофлотскую песню, выиграл денежный приз, его стихотворение вошло как в книгу, изданную по результатам конкурса, так и в журнал. Отрывки из поэмы «Мюнхен» помещал в «Залпе» Н.Л. Браун. Профессиональные писатели могли издать свои произведения в центральном оборонном журнале «Знамя», а также отправить их в неспециализированные издания или выпустить отдельными книгами. Наличие журнала «Залп» увеличивало количество возможностей издать оборонный текст.

«Залп» также публиковал авторов, которые начинали приобретать популярность, например А.И. Гитовича, Б.М. Лихарева, П.Н. Лукницкого, А.А. Прокофьева, В.М. Саянова, Н.А. Щербакова, Ю.А. Инге.

12 Соболев Л.С. Письма А.М. Дмитриеву // РО ИРЛИ. Ф. 715. Оп. 1. № 94. Л. 1.

13 РО ИРЛИ. Ф. 498. Фонд находится в научно-технической обработке.

14 Дмитриев А.М. <Развернутый план доклада его о работе журнала «Залп»> // РО ИРЛИ. Ф. 715. Оп. 1. № 125. Л. 2 об.

Журнал обеспечивал базу для деятельности литературных организаций, работавших с оборонной литературой, и, как следствие, в этом издании было развернуто поле для экспериментов по формированию ее канона. Согласно периодизации Х. Гюнтера, стадия канонизации советской литературы приходится на первую половину 1930-х гг., и этот процесс «всегда является “узким местом”, игольным ушком, через которое пропускаются лишь определенные образцовые тексты» [2, с. 282]. Традиционная для журнала функция отбора материалов оказывалась особенно важной на этом этапе: «Залп» работал как фильтр, который текст должен был преодолеть, чтобы попасть в поле оборонной литературы.

Значительная часть присланных в редакцию произведений отвергалась еще во время отбора. Так, судя по книге учета движения рукописей, за 1934 г. в журнал поступило 584 текста¹⁵. Не все изданные работы отмечены в этой книге. Опубликовано за этот же год, считая передовые, резолюции и хроники, было 238 текстов.

Судя по отзывам литературных консультантов, причиной отказа обычно был низкий уровень литературного мастерства, реже — идеологические ошибки. При этом именно последние могли стать причиной того, что текст нельзя было причислить к оборонной литературе. Произведение могло быть оценено как вредное, например пацифистское (одной из задач, обозначенных на обложке журнала, было разоблачение пацифизма: с точки зрения критиков оборонной литературы, он способствовал разжиганию новых войн, поскольку не призывал к уничтожению капиталистического строя, являвшегося причиной всех столкновений¹⁶).

Но и принятые к печати тексты в некоторых случаях требовали доработки. Так, судя по письму Соболева Д.А. Либерману от 11 июля 1931 г., очерк А.Г. Бобунова согласился принять только в случае «большой переделки» (автор был известным, публиковался в журнале «ЛОКАФ», видимо, из-за этого его работу, прежде чем принять окончательное решение, прочитало 6 сотрудников редакции). Либермана уполномочили поговорить с автором о необходимости переработать текст. Второй очерк этого же

15 Книга учета движения рукописей журнала «Залп» // РО ИРЛИ. Ф. 499. Оп. 1. № 297. Л. 22 об. – 23.

16 О борьбе оборонной критики с ремаркизмом, который считался ярким проявлением пацифизма, см.: [1].

автора перед публикацией сократил сам Соболев, следуя указаниям рецензента М.М. Поляка («Сусально, авантюрно, многословно, но все же печатать надо, беспощадно изгоняя повторы, сюсюканье, подлаживание под народно-рабочий язык»)¹⁷. В художественных текстах также снимались спорные моменты, например предложение красноармейца Тришина из рассказа Сиденкова во время учебной проверки стрелять по живым мишеням, а именно по преступникам: «живой человек — жалко, а вредитель — туда и дорога, и нам бы выучка»¹⁸.

В некоторых случаях в журнал попадали произведения, в которых ошибки с точки зрения идеологии или военной грамотности не были замечены во время отбора. В эпоху коллективной самокритики редакция с помощью разборов опубликованных рассказов признавала, что была допущена ошибка. Автор мог исправить работу на страницах этого же журнала.

Так, в третьем номере за 1931 г. в «Залпе» был опубликован рассказ С.Г. Галышева «Девять минут под водой» [12]. Главный герой произведения Никитин начал службу на эсминце «Ударный», сразу попал на маневры. Во время тактического отступления из-за непогоды сломалась грот-мачта, мачту срубили, но антенна опутала винт. Необходим был водолаз, оставленный на берегу из-за условного отравления в предыдущем учебном бою. Никитин первым успел вызваться добровольцем, отвечая на вопрос о том, есть ли знакомые с водолазным делом, и быстро распутал винт. В финале признался командиру, что он не водолаз и ни разу не погружался под воду.

Через полгода в журнале появилась критическая статья А.Е. Горелова, который, комментируя рассказ, заметил: «...для всякого трезвого человека понятно, что краснофлотец Никитин не столько храбр, сколько малосознателен: скрывая от командира свое незнание водолазного дела, он подвергал эсmineц смертельной опасности» [15, с. 55].

Автор выполнил работу над ошибками. Он вернулся к этому сюжету через два года. В двух номерах за 1933 г. вышел его рассказ «Рискованный зачет» [13]. Новый рассказ — дополненная и расширенная редакция старого. Есть обширные дословные текстовые совпадения. События рассказа

17 Переписка редакции журнала «Залп» с авторами и художниками по поводу размещения их работ в журнале // РО ИРЛИ. Ф. 499. Оп. 1. № 161. Л. 19 об. В итоге был опубликован только сокращенный редакцией очерк А. Бобунова [10].

18 Сиденков Н. Чужие пальцы // РО ИРЛИ. Ф. 499. Оп. 1. № 230. Л. 5.

вновь разворачивались на эсминце «Ударный». Фамилия главного героя изменена — Некутин вместо Никитина. Воспоминания о детстве и бродяжничестве сняты, намек на слабую дисциплину в прошлом тоже. Добавлен фрагмент, необходимый, видимо, для того, чтобы показать советскую специфику (соцсоревнование, ударничество, партийные собрания, участие командира и помполита в жизни корабля), а также ввести конфликт, исчезнувший в связи с изменениями в герое, который стал комсомольцем без единого недостатка. Появился новый персонаж, старшина кочегарки. Старшина встретил новичка неприветливо, но постепенно изменил свое отношение к Некутину и к своей работе под влиянием коллектива, после разговора с командиром и ареста, а также заметив энтузиазм ученика. Во время маневров произошло то же самое, что и в первом рассказе, но поступок Некутина, который действительно ранее работал водолазом, перестал быть необдуманном геройством. Название тоже отразило изменения в содержании — акцент смещен с подвига и быстрого выполнения новичком задания на службу краснофлотцев, понимаемую как зачет, показывающий готовность к новым боям.

Таким образом, критика и возможность опубликовать в этом же журнале исправленный текст напрямую воздействовала на произведения оборонной литературы, в том числе с помощью точечной корректировки отдельных работ.

Критике после публикации был подвергнут и рассказ другого автора, С.Р. Михайлова. Форма подачи произведения была экспериментом, нацеленным на общение с читателями. В первом номере журнала «Залп» за 1931 г. появилось начало рассказа «Выход из боя» [19, № 1], редакция предлагала читателям написать свои варианты финала. Сюжет был необычным для оборонной литературы: Михайлов показал, как кулак, используя поддельные документы и выдав себя за батрака, пришел в Красную армию, стал командиром и членом партии. Рассказ завершался разбором дела на партийном заседании, и именно о решении партии должна была пойти речь в финале произведения. Читателям предлагали ответить на вопрос, оправдать ли героя Покладова (скрывавшегося за фамилией Юрасова) или обвинить. Решение осложнялось тем, что во всем, кроме обмана в начале службы, главный герой показан как примерный красноармеец, — он ввел рацпредложение; добровольно пошел в охрану и спас имущество армии от

огня; восстановил сломанный трактор, работая без отдыха. В своем происхождении Покладов признался сам; также в рассказе было отмечено, что он сообщил о хранившемся у отца оружии, выдал его как врага революции.

Читательские варианты окончания рассказа сохранились в архиве. В журнале появился разбор рассказа и присланных продолжений. В трех рассмотренных в журнале финалах показано, что перевоспитание Покладова прошло успешно. В одном случае он доказал в бою на Дальнем Востоке свой героизм и получил орден, в другом он был исключен из партии и оставлен в армии, в третьем он после исключения из армии поступил в шахты и окончательно переродился в преданного стране гражданина [17, с. 53]. В фонде журнала сохранились еще два варианта концовки, в обеих дано одинаковое решение — исключить из партии на испытательный срок и перевести в другую часть. Но реакция героя на это постановление была разной. В первом варианте он обрадовался и собирался дальше верно служить советской власти¹⁹. Во втором он попытался сбежать по пути на фронт, предварительно украв у попутчика оружие. Героя поймали, рассказ заканчивался ожиданием менее щадящего решения военного трибунала²⁰. Таким образом, герой был показан врагом новой власти только в одном случае из пяти, и даже в этом случае первое решение партийной организации было максимально щадящим: его оставили в армии, несмотря на происхождение (кулаки в армию не принимались, согласно классовому принципу ее формирования). Судя по обращению редакции, предполагалась публикация читательских вариантов финала наряду с авторским. Читательские варианты опубликованы не были, что косвенно свидетельствует о том, что оправдание героя не устроило редакцию.

Михайлов первоначально собирался выпустить произведение отдельным изданием в Госиздательстве «Земля и Фабрика» (план не был реализован). 6 сентября 1930 г. было подписано соглашение с издательством «Федерация»: планировалось выпустить альманах «Штурм», в который входило произведение Михайлова, названное повестью (альманах не был выпущен). На тот момент тема повести была обозначена как «переработ-

19 Неустановленное лицо. Окончание к рассказу С. Михайлова «Выход из боя» // РО ИРЛИ. Ф. 499. Оп. 1. № 81. Л. 7.

20 Пашковский В. Выход из боя (последняя глава к рассказу С. Михайлова) // РО ИРЛИ. Ф. 499. Оп. 1. № 87. Л. 5.

ка человеческого материала в Красной армии»²¹. О том, что автор считал возможной перестройку бывшего кулака, свидетельствует и замечание Свирина: «Если бы мы и не знали первоначального варианта рассказа — все равно, по художественному тексту можно проследить, как правильный, партийный подход к вопросу борется у Михайлова с тенденцией доказать теорию “частных перебежек”, представить Красную армию как школу перевоспитания кулацких сыновей» [24, с. 190]. Однако можно предположить, что помещение первой части рассказа было следствием не только ошибочной с точки зрения советской идеологии позиции автора.

Первый вариант обращения редакции к читателям обещал, что последняя глава рассказа «должна послужить ответом на следующие вопросы:

1. Возможно ли перерождение выходца из кулацкой среды, случайно попавшего в ряды РККА?
2. Является случай с Юрасовым частным или общим?
3. В достаточной ли степени доказал отделенный командир свою преданность делу революции?
4. Как в случае, описанном в “Выходе из боя”, должны поступить парторганизация и политаппарат?»²².

Вопросы теоретически предполагали возможность перерождения и оправдания героя. В опубликованной версии редакционного комментария остался только один, «как поступила парторганизация с Юрасовым» [9]. Возможно, после сдачи рукописи в набор до выхода номера журнала в свет у редколлегии появились сомнения в идеологической выдержанности публикуемого текста. Рассказ занимал четверть номера. Редакция могла попробовать исправить ситуацию, минимально вмешиваясь в верстку. Был изменен текст обращения к читателю: сняты вопросы о возможности перевоспитания кулака в Красной армии, добавлена краткая характеристика Юрасова с подчеркиванием его неблагонадежного происхождения: «Как видно из рассказа, Юрасов выходец из кулацкой семьи, человек с темным прошлым, проник в ряды Красной армии под чужим именем, скрыв свое прошлое и социальное происхождение. В Красной армии Юрасов пытался загладить свое прошлое примерной службой и общественной активностью» [9].

21 РО ИРЛИ. Ф. 498.

22 Михайлов С. Выход из боя // РО ИРЛИ. Ф. 499. Оп. 1. № 77. Л. 46.

На первый план вышла задача создать образ опасного внутреннего врага, заменив собой показ перестройки кулака в армии. Михайлов в следующем номере дал финал рассказа, в котором утверждалась виновность Юрасова-Покладова. В финале автору пришлось сообщить новые факты. Информации первой опубликованной части рассказа было недостаточно, чтобы подвести читателя к мысли об опасной сущности классово чуждого героя. Благодаря выступлению на партсобрании красноармейца, работавшего в гараже, выяснилось, что Покладов отказался давать отремонтированный им трактор колхозникам, противопоставив таким образом армию колхозу. Во время заседания пришла справка о биографии Покладова из райисполкома. Оказалось, что герой выдал отца не из-за своей политической перестройки, а из-за снохачества. Однако даже после введения порочащих героя фактов Михайлов не сообщил о решении парторганизации, завершив произведение словами: «А теперь, товарищи, будем принимать соответствующие меры!» [19, № 2, с. 41].

Обращение к сложной в идеологическом плане теме дополнительно было осмыслено в критической статье Златовой «Выход Семена Михайлова из боя», вышедшей через полгода после издания рассказа [17]. Статья дает яркий пример характерной для советской критики рассматриваемого периода нагрузки термина противоположным значением: «настоящая объективность <...> не ограничивается простой регистрацией фактов <...> а обязывает автора недвусмысленно стать на одну из сторон. Марксизм включает в себя отчетливую *партийность*» [17, с. 53]²³. Автор был обвинен в объективистском показе действительности, для достижения настоящей объективности он должен был с самого начала давать более четкие оценки. Отмечалась еще одна идеологическая ошибка. Статья Златовой начиналась с утверждения, что «проблемы *борьбы с кулачеством* внутри армии не существует <...>. Классовой борьбы, как мы знаем, в Красной армии нет. Все борются за одно и то же дело». То, что автор выбрал «исключительный и редкий случай», объяснялось тем, что он как начинающий искал чего-то выдающегося [17, с. 52]. Статья могла выполнять оправдательную для самого журнала функцию. Редакция, о роли которой в появлении «внутренне порочного» [17, с. 53] рассказа речь не шла, могла опасаться обвинений

23 Курсив здесь и далее автора. — А.С.

в недосмотре. Ошибки Михайлова были обозначены как типичные ошибки для начинающего. Этот статус на фоне намного менее опытных авторов (у Михайлова к моменту публикации в журнале уже было выпущено две отдельных книги) может показаться неточным, в то же время он объяснял ошибки писателя и уменьшал возможность обвинений в намеренно враждебном представлении армии.

Михайлов снова обратился к теме классовой борьбы и к изображению командиров Красной армии. В начале следующего 1932 г. в журнале вышел его рассказ «Ложный огонь» [20]. Командир роты Каретко сразу показан с отрицательной стороны: он, тренируя своих бойцов, позволял им стрелять на десять секунд дольше, чем положено по нормативам. Автор не сделал своего героя кулаком, но показал сильное влияние чуждых взглядов на командира через мужа его сестры — кулака и противника новой власти. Один из важных акцентов, расставленных критической статьей Златовой, касался описания правильного подхода при работе с темой классовой борьбы заключается в том, что писателю необходимо «показывать борьбу классовых влияний на отдельных красноармейцев <...> показать отражение классовой борьбы, которая сказывается на всем быте Красной армии» [17, с. 52]. Каретко выгнал родственника, поселившегося в его комнате в общежитии, однако сделал это не по идеологическим соображениям, а потому, что боялся исключения из партии. Тем не менее исключения герой не избежал — оно произошло после уличения Каретко в обмане со временем, выделенным им во время тренировок на упражнение. Таким образом были исправлены все указанные в статье Златовой ошибки — и оценка командира дана с самого начала, и борьба классов показана в армии не напрямую, а через влияние родственника-кулака. Критических откликов на этот рассказ не последовало, так что Михайлов справился со своей задачей.

Публикация рассказов Михайлова свидетельствует о том, что писатель определял выбор сюжета внутри заданной журналом оборонной тематики²⁴.

24 Михайлов и в опубликованных вне журнала произведениях обращался к проблеме идеологических колебаний командного состава. Так, в его романе «Бригадная роща», выдержавшем несколько переизданий и увидевшем свет до появления журнала «Залп», командир из-за желания скрыть поступки жены-мещанки был обвинен в денщикестве. Другой командир, из чувства мести подстроивший обвинение, собирался покончить с собой. О своей работе над «Бригадной рощей» С. Михайлов писал в «ЛОКАФе» [21].

Писатели получали отклики на произведения на разных этапах. До публикации это были отзывы литературных консультантов, а также выступления критиков и писателей на читках и обсуждениях еще неизданных текстов; после публикации автор узнавал о реакции на произведение из критических статей, во время устных обсуждений, на читательских конференциях. Для теоретиков оборонной литературы были характерны представления о правильном оборонном тексте и убежденность в управляемости творческого процесса. В то же время появление на страницах журнала дискуссий, в том числе с предоставлением слова автору-попутчику, а также спорных с точки зрения идеологии рассказов характеризуют оборонную литературу начала 1930-х гг. как явление гибкое, не окончательно регламентированное. Редколлегия журнала «Залп», получая поток текстов от разных по литературному мастерству, творческому и жизненному опыту авторов, стремилась сформировать канон оборонной литературы, отсекая часть произведений, отмечая недостатки текстов, ожидая новых попыток или исправления допущенных ошибок. Журнал был удобной платформой для подобной корректирующей литературный процесс деятельности. Стоит отметить, что в журнале с каждым годом все реже публиковались тексты, которые могли бы вызвать сомнение в идеологической выдержанности.

Содержание журнала во многом влияло на представление о правильных оборонных текстах, художественная часть издания являла собой подборку произведений, на которые могли ориентироваться другие писатели.

Журнал выходил в свет в 1931–1934 гг. В докладе об обследовании работы Ленинградской Оборонной комиссии от 8 мая 1935 г. Г.А. Тарпан говорил о «провале», об «отсутствии действительного руководства», о том, что «картина оборонной работы ЛССП весьма неутешительна»²⁵. Одной из причин такого положения, помимо названной в докладе проблемы с кадрами, видится закрытие журнала «Залп», обеспечивавшего издательскую базу в первую очередь для критиков оборонной литературы и начинающих писателей, а также предоставлявшего возможность публикации профессиональным писателям, готовым обратиться к оборонной тематике²⁶.

25 Отчет Тарпана Г. об обследовании работы Оборонной комиссии Ленинградского ССП // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 16. № 7. Л. 10.

26 Г.А. Тарпан опирался на разъяснения ответственного секретаря Оборонной комиссии ЛО ССП Н.Г. Жданова, председателя Оборонной комиссии Свирина и ответственного секретаря ЛО ССП Горелова. Все они в первую очередь говорили о кадровой проблеме, их целью

Усиление государственного контроля в сфере литературы, отработке механизмов которого способствовала деятельность журнала, привело к избавлению от многообразия литературных организаций и централизации. В свою очередь, закономерным итогом централизации стали перемещение основной работы по формированию оборонной литературы в Москву с заметным ослаблением ее в Ленинграде, который играл в ЛОКАФ ведущую роль, и закрытие журнала «Залп» с сохранением «Знамени».

было убедить руководство направить на работу с оборонной литературой Г.И. Мирошниченко. Свирин в письмах Вишневскому регулярно сообщал о желании избавиться от административной работы (см., например: Свирин Н.Г. Письма Вишневскому В.В. // РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Ед. хр. 3076. Л. 56–56 об., 66 об. и др.). Переключиться полностью на творческую работу стремился и Дмитриев (см., например, о его настроении письмо Свирина Вишневскому: Там же. Л. 113). Они вряд ли готовы были снова взять на себя редакционную работу. Вероятно, это было одной из причин того, что вопрос о возрождении журнала не поднимался.

Список литературы

Исследования

- 1 *Бурцева А.О.* Критика иностранной литературы на страницах советского оборонного журнала «ЛОКАФ»: Как не стать Ремарком // Slověne. 2021. Vol. 10, № 1. С. 347–367. DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.15
- 2 *Гюнтер Х.* Жизненные фазы соцреалистического канона // Соцреалистический канон / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 281–288.
- 3 *Добренко Е.* Режим литературы // *Добренко Е.* Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1993. С. 138–151.
- 4 *Закружная З.С.* История Литературного объединения Красной армии и флота (ЛОКАФ) (по материалам отдела рукописей ИМЛИ РАН): дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 351 с.
- 5 *Закружная З.С., Московская Д.С.* Институциональное измерение советской литературы. К истории забытого литературного объединения ЛОКАФ // Филологический класс. 2018. № 2 (52). С. 12–18. DOI: 10.26170/fk18-02-02
- 6 *Сысоева А.В.* Литературное объединение Красной армии и флота: пропаганда и творчество // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб.: Родник, 2020. С. 56–61. DOI: 10.31860/0202-0262-2020-37-56-61
- 7 *Сысоева А.В.* Научная база оборонной литературы: пушкинодомский вклад в журнал «Залп» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2021 год. СПб.: Родник, 2021. С. 123–132.
- 8 *Шошин В.А.* Ленинградско-Балтийское отделение Литературного объединения Красной Армии и Флота (1930–1934) // Из истории литературных объединений Петрограда–Ленинграда 1920–1930-х годов: Исследования и материалы. СПб.: Наука, 2006. Кн. 2 / отв. ред. В.П. Муромский. С. 160–189.

Источники

- 9 *Б. п.* От редакции // Залп. 1931. № 1. С. 32.
- 10 *Бобунов А.* В клубе стариков // Залп. 1931. № 10. С. 35–42.
- 11 *Варшавский С.* Гражданская война в кривом зеркале (о книге С. Колбасьева «Поворот все вдруг») // Залп. 1931. № 2. С. 57–62.
- 12 *Галышев С.* Девять минут под водой // Залп. 1931. № 3. С. 24–31.
- 13 *Галышев С.* Рискованный зачет // Залп. 1933. № 6. С. 42–48; № 7–8. С. 47–54.
- 14 *Ганибесов В.* Наши // Залп. 1931. № 8. С. 23–24.
- 15 *Горелов А.* Литература и военная специфика // Залп. 1931. № 9. С. 52–55.
- 16 *Залп.* Орган Ленинградско-Балтийского отделения Литературного объединения Красной армии и флота (ЛОКАФ). Литературно-художественный и критический массовый военный ежемесячник. [Л.: б. г.] 12 с.

- 17 Златова Е. Выход Семена Михайлова из боя // Залп. 1931. № 7. С. 52–53.
 18 Колбасьев С. Перелет // Залп. 1931. № 3. С. 54–56.
 19 Михайлов С. Выход из боя // Залп. 1931. № 1. С. 18–32; № 2. С. 35–41.
 20 Михайлов С. Ложный огонь // Залп. 1932. № 1. С. 16–25.
 21 Михайлов С. Пути и барьеры. Заметки о творческой работе // ЛОКАФ. 1931. № 9. С. 120–125.
 22 Омельченко А. Почтовый штемпель «Финляндия» // Залп. 1931. № 7. С. 34–35.
 23 Свириин Н. От декларации — к действительной перестройке // Залп. 1931. № 4. С. 36–40.
 24 Свириин Н. Творческие пути ЛОКАФ // ЛОКАФ. 1931. № 12. С. 166–193.
 25 Фиш Г. Марш тыла // Залп. 1931. № 7. С. 33.

References

- 1 Burtseva, A.O. “Kritika inostrannoi literatury na stranitsakh sovetskogo oboronnoho zhurnala ‘LOKAF’: Kak ne stat’ Remarkom” [“The Soviet Journal LOKAF on Foreign Literature: How not to Become Remarkable”]. *Slověne*, vol. 10, no. 1, 2021, pp. 347–367. DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.15 (In Russ.)
- 2 Giunter, Kh. “Zhiznennye fazy sotsrealisticheskogo kanona” [“Life Phases of the Social Realism Canon”]. Giunter, Kh., and E. Dobrenko, editors. *Sotsrealisticheskii kanon [The Social Realism Canon]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000, pp. 281–288. (In Russ.)
- 3 Dobrenko, E. “Rezhim literatury” [“Literature Regime”]. *Metafora vlasti. Literatura stalinskoj epokhi v istoricheskom osveshchenii [The Metaphor of Power: Literature of the Stalin Era in Historical Context]*. Miunkhen, Verlag Otto Sagner Publ., 1993, pp. 138–151. (In Russ.)
- 4 Zakruzhaia, Z.S. *Istoriia Literaturnogo ob’edineniia Krasnoi armii i flota (LOKAF) (po materialam otdela rukopisei IMLI RAN) [The History of the Literary Association of the Red Army and Navy (LARAN) (Based on the Materials of the Department of Manuscripts of IWL RAS): PhD Dissertation]*. Moscow, 2019. 351 p. (In Russ.)
- 5 Zakruzhaia, Z.S., Moskovskaia, D.S. “Institutsional’noe izmerenie sovetskoi literatury. K istorii zabytogo literaturnogo ob’edineniia LOKAF” [“Institutional Aspect of Soviet Literature. History of the Forgotten Literary Union LARAN”]. *Filologicheskii klass*, no. 2 (52), 2018, pp. 12–18. DOI: 10.26170/fk18-02-02 (In Russ.)
- 6 Sysoeva, A.V. “Literaturnoe ob’edinenie Krasnoi armii i flota: propaganda i tvorchestvo” [“Literary Association of the Red Army and Navy: Propaganda and Creativity”]. *Ezhгодnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2020 god [Yearbook of the Manuscript Department of Pushkinskij Dom for 2020]*. St. Petersburg, Rodnik Publ., 2020, pp. 56–61. DOI: 10.31860/0202-0262-2020-37-56-61 (In Russ.)

- 7 Sysoeva, A.V. "Nauchnaia baza oboronnoi literatury: pushkinodonskii vklad v zhurnal 'Zalp'." ["Academic Basis of Defense Literature: Contribution of the Pushkinskij Dom to the Journal 'Zalp'."]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2021 god* [Yearbook of the Manuscript Department of Pushkinskij Dom for 2021]. St. Petersburg, Rodnik Publ., 2021, pp. 123–132. (In Russ.)
- 8 Shoshin, V.A. "Leningradsko-Baltiiskoe otdelenie Literaturnogo ob"edineniia Krasnoi Armii i Flota (1930–1934)" ["Leningrad-Baltic Branch of the Literary Association of the Red Army and Navy (1930–1934)"]. Muromskii, V.P., editor. *Iz istorii literaturnykh ob"edinenii Petrograda–Leningrada 1920–1930-kh godov: Issledovaniia i materialy* [From the History of the Literary Associations of Petrograd–Leningrad of 1920–1930s: Studies and Materials], book 2. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, pp. 160–189. (In Russ.)